

DOI: 10.15643/libartrus-2017.6.4

Взгляды софистов второй половины V в. до н. э. в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде»

© Е. С. Юрина

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034 г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9.

Email: k.iurina@mail.ru

В статье исследуется трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде» в качестве философского дискурса взглядов софистов второй половины V в. до н. э. с целью показать влияние софистики V в. до н. э. на трагика Еврипида. С одной стороны, автор статьи рассматривает проблему, обсуждаемую софистами, касающуюся соотношения закона и природы (νόμος и φύσις) в контексте трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде»; с другой – рассматривается фрагмент софиста Протагора о двух логосах, противоположных друг другу как сюжетнообразующий элемент трагедии «Ифигения в Тавриде». В ходе исследования автор статьи приходит к выводу, что Еврипид показывает в трагедии «Ифигения в Тавриде» основные взгляды софистов, касающиеся соотношения установленного закона людьми и естественного закона, а также сюжетно разворачивает выражение Протагора о двух логосах, противоположных друг другу.

Ключевые слова: Еврипид, Протагор, «Ифигения в Тавриде», νόμος, φύσις, природа, закон, логос.

В своей книге по греческой пайде В. Йегер отделяет философствующего поэта Еврипида от Эсхила и Софокла, отделяет намеренно главой по софистике, поскольку видит в драме «поэта греческого просвещения» много мыслей софистов V в. до н. э. и также заявляет, что софистика – лишь отдельный аспект духовного облика поэта, софисты же становятся вполне понятны лишь на психологическом фоне, разворачивающемся в творчестве Еврипида [1, с. 385]. Становятся ли софисты понятнее через драму Еврипида – вопрос, а если ответ положительный, тогда Еврипида можно рассматривать как еще одного интерпретатора софистики V в. до н. э. Тем не менее наше внимание сосредоточено на трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде», и именно этот текст мы собираемся подвергнуть историко-философскому анализу с целью показать, как текст Еврипида может быть рассмотрен в качестве философского дискурса второй половины V в. до н. э.

«Ифигения в Тавриде» – не простой текст: во-первых, он является как будто бы сюжетным продолжением трагедии «Ифигения в Авлиде», хотя хронологически все наоборот, ведь последняя «Ифигения» ставится уже в 407 г. до н. э., в то время как «Таврическая» – в 414 г. до н. э. [2, р. 136]; во-вторых, этот текст сюжетно повторяет трагедию Еврипида «Елена». Именно второй факт нам интересен наиболее всего. Дело в том, что история о Елене и история Ифигении – разные, однако Еврипид создает сюжет, который является принципом построения трагедии по Аристотелю [3, с. 15], абсолютно идентичный для той и другой трагедии: и Ифигения, и Елена богиней унесены в чужую страну, в ту страну попадают брат Ифигении и муж Елены, описание сцены узнавания Елены и Менелая, а также Ифигении и Ореста похожи, и те, и другие придумывают побег к себе на родину обманом, и в той и другой трагедии обманутые цари узнают об обмане, но появляется deus ex machina и просит царя дать

уплыть беглецам. Если два сюжета настолько схожи, тогда либо Еврипид намеренно указывает на понимание трагедии через сюжет, еще раз пристально присмотреться в сцены, либо дорабатывает в «Елене» то, что не доработал в «Ифигении в Тавриде». В любом случае «Ифигения в Тавриде» так же достойна рассмотрения, как и «Елена».

Итак, первая речь принадлежит Ифигении и разделена на две смысловых части: первая – рассказ о том, кто такая она сама и как она оказалась в Тавриде, вторая – сон Ифигении и толкование сна. Из первой части нас интересует следующий пассаж:

ναῖσι δ' ἐν τοῖσδ' ἱερέαν τίθησί με:

ὄθεν νόμοισι τοῖσιν ἤδεται θεὰ

Ἄρτεμις, ἑορτῆς, τοῦνομ' ἧς καλὸν μόνον –

τὰ δ' ἄλλα σιγῶ, τὴν θεὸν φοβουμένη –

[θύω γὰρ ὄντος τοῦ νόμου καὶ πρὶν πόλει,

ὃς ἂν κατέλθῃ τήνδε γῆν Ἑλλήν ἀνὴρ [4, p. 484]. /

(Артемиде) устанавливает меня жрицей этим храмам:

Где богиня радуется празднику – у которого только имя красиво –

Об остальном я молчу, боясь богини –

Ибо есть закон и прежде (установления) полиса, чтобы я приносила в жертву (того),

Который приплывет в эту землю в качестве эллина. (Здесь и далее перевод с древнегреческого языка наш, кроме оговоренных случаев. – Е. Ю.)

Ифигения показывает нам два полиса, обычаи которых разнятся. Один – ее родина – Аргос, с другой стороны – чужая ей земля Таврида. В Тавриде принято приносить в жертву богам чужеземцев на радость богине Артемиде. Таким образом, есть два противоположных закона, установленных разными городами, которые не отличаются от закона божественного. Однако, что божественный закон для Аргоса – одно, что божественный закон для Тавриды – другое. Тогда вопрос – универсален ли божественный закон или точно так же, как и установленный закон людьми – для каждого полиса он разный? Но самое интересное – в собственном своем полисе Ифигению саму чуть было не принесли в жертву.

Первая часть трагедии воспроизводит проблему, обсуждаемую в V в. до н. э. софистами, а именно – проблему соотношения νόμος и φύσις, или закона и природы. Нам известно, по свидетельству Диогена Лаэртского, что Еврипид был лично знаком с Протагором, поскольку последний читал в его доме свои тексты [5, с. 376]. В свою очередь, нам известны взгляды Протагора на проблему соотношения νόμος и φύσις из диалога Платона «Протагор», в котором Протагор доказывает Сократу, что добродетели научить возможно, и рассказывает миф, согласно которому, Прометей и Эпиметей после того, как боги сотворили все смертные роды, раздают способности (δυνάμεις) каждому как подобает. Эпиметей не был слишком мудрым и потратил свои способности на тех, кто не имеет логоса (τὰ ἄλογα), а род людей остался неустроенным. Тогда на помощь человеку приходит Прометей, который крадет искусную мудрость с огнем (τὴν ἔντεχνον σοφίαν σὺν πυρί). Единственное, чего у людей не было – города, поскольку люди не обладали (политическим) искусством жить вместе (πολιτικὴν γὰρ τέχνην οὐπω εἶχον), т.к., собираясь вместе, люди ссорились. В эту ситуацию вмешивается Зевс, послав Гермеса и дав каждому человеку стыд и справедливость (αἰδῶ τε καὶ δίκην), помимо этого Зевс велит установить от него закон (καὶ νόμον γέ θεὸς παρ' ἐμοῦ), и всех, кто этому закону не причастен, следует убивать как болезнь города [6]. Итак, в мифе описывается естественное или природное состояние человека, который наделен божественной участью – мы говорим – логосом,

поскольку человек слаб перед остальной природой, он слабее зверей и погибает от них, он должен объединиться и жить сообща, т.е. организовать полисное государство, основанное на стыде и справедливости [7, с. 431].

Софист Каллик из диалога Платона «Горгий» придерживается другого мнения. Его утверждение – «законы устанавливают слабосильные» [7, с. 522]. Природа и закон противоположны друг другу в том плане, что по природе человеку свойственно не терпеть несправедливость по отношению к себе, в то время как, если кто-то поступит с нами несправедливо, по установленному закону, нам запрещено поступить несправедливо к обидчику. Постыдно также подняться над толпой по обычаю, в то время как сама природа одних сделала сильными, других слабыми [7, с. 522]. Отсюда вытекает тезис Калликла, что закон устанавливается слабосильными, поскольку слабому человеку нужно оградить или защитить себя перед сильным. Однако природа и закон Протагора не противоречат друг другу: мы устанавливаем закон как такое состояние, которое лучше, чем естественное. «νόμος и φύσις не противоречат друг другу; νόμος ограничивает φύσις, но этим самым поддерживает ее: они по очереди помогают друг другу» [8, р. 63].

Теперь вернемся к «Ифигении в Тавриде», где с самых первых слов нам бросаются в глаза противопоставления двух полисов по поводу законов: установленный согласуется с законом божественным, но как быть с той проблемой, когда Ифигении нужно будет заколоть не просто эллина, который живет по иным законам, а собственного брата. И будет ли это тогда нарушением закона естественного, а если это так, то какому закону должна следовать Ифигения? Так, тема проблемного соотношения νόμος и φύσις – это первая пронизывающая всю игру текста линия.

Вторая – заложена во второй части речи Ифигении о сне, но о сне ли? Итак, Ифигения рассказывает свой сон, в котором она как будто в Аргосе, но отеческий дом рушится, осталась только колонна (στῦλος), из которой слышится голос (φθέγμα) человека. Ифигения плачет, поливая эту колонну водою, потому что скоро она, т.е. колонна, умрет. Вывод Ифигении – Ореста больше нет. τέθνηκ' Ὀρέστης (Орест умер) – глагол употребляется в прошедшем времени (Perfectum). Речь произнесена, но соответствует ли речь действительности, когда она говорит то, что было лишь во сне, а в действительности не было? Ложная или истинная такая речь? Здесь мы сталкиваемся с другим тезисом софиста Протагора:

Καὶ πρῶτος ἔφη δύο λόγους εἶναι περὶ παντὸς πράγματος ἀντικειμένους ἀλλήλοις [9, р. 219]. /

И первым сказал, что о всякой вещи существуют два противоположных друг другу логоса.

Исследователь софистики, Э. Скъяппа, интерпретирует этот фрагмент так, что «реальность (πράγμα) такова, что существуют два противоположных способа (λόγοι) ее описания» [10, р. 92]. Также сохранился трактат неизвестного автора под названием «Δισσοὶ λόγοι» или «Двойные речи». Трактат начинается следующим образом:

Δισσοὶ λόγοι λέγονται ἐν ταῖς Ἑλλάδι ὑπὸ τῶν φιλοσοφούντων περὶ τῷ ἀγαθῷ καὶ τῷ κακῷ [11, р. 334]. /

Двойные речи говорятся в Элладе философствующими о добре и зле.

Трактат рассматривает соотношения τὸ ὄνομα и τὰ πράγματα (имени и вещи), когда в одном логосе можно сказать, что все отличается только по имени, а на самом деле одно и то же (например, добро и зло отличаются по имени, а на деле, к примеру – войне – они не отличаются, т.к. война – зло для побежденного, для победителя – благо), а в другом логосе – все отличается и на деле. Вопросы трактата затрагивают проблему истины и лжи: «Также об истине

и лжи высказываются два противоположных взгляда (δισσοὶ λόγοι). Из них один утверждает, что ложная речь иная, чем истинная. Другой же взгляд, наоборот, что они одно и то же. И я говорю следующее: во-первых, что обе они выражаются одними и теми же словами; далее, когда речь высказана, то в том случае, если содержанию речи соответствует фактическое положение вещей, речь истинна, если же не соответствует, то она ложна» [12, с. 94]. Также из диалога Платона «Кратил» нам известно, что софисты занимались проблемой соотношения τὸ ὄνομα и τὰ πράγματα (имени и дела), а именно говорили о том, что имена – соглашения между людьми [7, с. 614], в то время как Сократ и его собеседник Кратил по ходу диалога приходят к выводу, что имя есть некое подражание сущности вещи [7, с. 668]. Итак, согласно Протагору, обо всем есть два логоса, которые не находятся в противоречии друг с другом, а речь, в зависимости от того, как посмотреть на обстоятельства, может быть и истинной, и ложной.

Вернемся к тексту Еврипида. Ифигения, рассказывая о сне и сделав вывод – нет Ореста, произносит истинную для нее речь, даже тогда, когда обстоятельства, в соответствии с которыми высказывается речь, – лишь фантазмы – φάσματα.

Пока Орест с другом Пиладом думают, как украсть изваяние богини и остаться целыми, Ифигения уже поет надгробную речь брату. Появляется пастух и, обратившись по имени к Ифигении, просит его выслушать, на что Ифигения отвечает:

τί δ' ἔστι τοῦ παρόντος ἐκπλήσσον λόγου; [4, р. 392] /

Что же прогоняет от существующей речи?

Траурная речь прерывается другой: пастух рассказывает об эллинах, прибывших в Тавриду, а значит – на алтарь Артемиды. Ифигения пытается узнать имена, поскольку знать имя, значит, знать того, кому оно принадлежит, но пастух знает только одно имя – Пилада. Пастух в долгой речи (vv. 260–340) рассказывает о том, как вместе с другими пастухами они нашли эллинов у моря: один из пастухов, увидев двух юношей, подумал, что это какие-то божества (δαίμονές τινες), и стал молиться. Другой пастух, дерзкий в беззаконии (ἀνομίᾳ θρασύς), посмеялся и сказал, что это моряки, которые сидят в ущелье в страхе закона, слышащие, что мы приносим в жертву здесь чужеземцев (τοῦ νόμου φόβῳ, κλύοντα ὡς θύομεν ἐνθάδε ξένους) [4, р. 393]. После пастух описывает, как Ореста, при этом не называя его имени, мучают Эринии. Казалось бы, зачем Еврипид описывает мучения неизвестного и безымянного, может быть, давая знак Ифигении? Но для той известно только одно: Пилад и безымянный – эллины, и она их должна заколоть на алтаре, и что страшнее – по чужому закону вопреки закону своего города, ведь пастух, обращаясь к Ифигении, называет ее дочерью Клитемнестры и Агамемнона, а значит, чужестранкой. Ифигения попадает в чуждое ей место, но она исполняет закон божественный, тем самым оправдывая себя перед законом ее собственной страны. Однако, до тех самых пор, пока не узнает, что второй чужеземец – брат. Брата убить она не может по закону естественному, т.е. закону природы, и впервые нарушает закон полиса Тавриды.

В первой встрече с эллинами Ифигения пытается узнать у Ореста, кто Пилад и как имя второго, на что Орест отвечает:

τὸ μὲν δίκαιον Δυστυχῆς καλοῖμεθ' ἄν /

Пожалуй, справедливо, что мы называем меня Несчастливым [4, р. 401].

Но Ифигении важно знать имя, в то время как Орест не понимает, почему:

τὸ σῶμα θύσεις τοῦμόν, οὐχὶ τοῦνομα /

Ты принесешь в жертву тело мое, не имя [4 р. 402].

Из дальнейших расспросов Ифигения понимает, что чужеземец – из Аргоса, и расспрашивает о всех известных ей греках. Речь за речью, и Ифигения узнает – Орест жив, а сны были ложными:

ψευδεῖς ὄνειροι, χαίρετ': οὐδὲν ἦτ' ἄρα [4, р. 404] /

Здравствуйте, ложные сны: в самом деле ничего не было!

Орест отвечает, что снов хуже – боги:

«ἐν δὲ λυπεῖται μόνον, ὃς οὐκ ἄφρων ὦν μάντεων πεισθεὶς λόγοις ὄλωλεν» [4, р. 404] /

Но только одно его печалит, который, будучи неразумным, погиб, убежденный словами предсказаний.

Неожиданно для Ореста Ифигения предлагает ему спасение в обмен на то, что тот доставит ее письмо в Аргос:

«κούφων ἕκατι γραμμάτων σωτηρίαν» [4, р. 405] /

Спасение посредством светлых букв.

Благородный Орест спасает друга и решает умереть сам, досадуя:

«φεῦ: πῶς ἂν μ' ἀδελφῆς χεῖρ περιστεύειεν ἄν;» [4, р. 406] /

Ах, оденет ли меня рука сестры?

Орест говорит «рука сестры», но только зритель-читатель понимает – сестры две, и одна из них – рядом. Имя одно – сестра, но одна сестра отсутствует и для Ореста и является сестрой, для читателя, напротив, очевидно, что сестра – неузнанная Ифигения, которая ему отвечает, что вместо его сестры, она сама украсит его гроб. Таким образом возможны два логоса и оба верных.

Однако мы хотим обратить внимание именно на само письмо, которое Ифигения должна произнести вслух в случае, если Пилад его потеряет. В 770 строке Ифигения, наконец, называет сама имя Ореста, к которому обращается в своем письме. Письмо выслушано, речь произнесена, и нынешнее положение дел перевернуто речью. Не случайно софист Горгий Леонтийский пишет о речи, сравнивая ее с τὸ φάρμακον (лекарство/яд): подобно тому, как одни лекарства лечат болезни, другие прекращают жизнь [13, с. 216]. Точно так же Платон в «Федре» говорит о речи, как τὸ φάρμακον, способной вывести Сократа за пределы города [14, с. 138]. В случае Ореста и Пилада речь-письмо Ифигении становится лекарством, которое изменяет положение дел. С 810 по 825 строку начинается игра узнавания по приметам: Орест говорит то, что должна знать Ифигения. Чуть дальше Еврипид нам показывает отличный пример двойных логосов по отношению к каждой вещи. Мы помним, что Эринии мучают Ореста за убийство матери, убийство приводит Ореста в Тавриду как будто бы к его смерти, однако Ифигения придумывает, как убийство матери может привести Ореста к спасению:

Ἴφιγένεια

ταῖς σαῖς ἀνίαις χρήσομαι σοφίσμασι.

Ὀρέστης

δειναὶ γὰρ αἱ γυναῖκες εὐρίσκειν τέχνας.

Ὀρέστης

χρῆσαι κακοῖσι τοῖς ἔμοις, εἰ κερδανεῖς [4, р. 420]

Ифигения

Я воспользуюсь хитростями в твоих несчастьях

Орест

Ибо женщины страшны отыскивать искусства.

Орест

Если получишь выгоду, пользуйся моими злыми делами.

Действительно, несчастья Ореста настолько несчастья, насколько служат обстоятельством. И Ифигения, выбирая надлежащее применение этих несчастий – спасает и Ореста, и себя, и Пилада, таким образом делая слабый логос сильным, как тому учил Протагор:

τὸ τὸν ἥττω δὲ λόγον κρείττω ποιεῖν [15].

Делать слабейший логос сильнейшим.

Остается одно – ложной речью убедить Фоанта, что Орест, убив мать, нуждается в очищении на море, а вместе с ним нужно взять и статую Артемиды, и поступить так они должны, поскольку:

τὸν νόμον ἀνάγκη τὸν προκείμενον σέβειν [4, p. 426]

Есть необходимость почитать установленный закон.

Разговор Ифигении и Фоанта – амбивалентный логос: Ифигения обманывает, но в то же время говорит правду! Мы верим в ее речи, но до тех пор, пока она сама не дает нам знак, что речь ее – обман: «Да и отец мой жив и счастлив, молвят» [16, с. 533].

Если мы посмотрим на всю трагедию целиком, то увидим, что Еврипид выбирает тему своей трагедии о соотношении естественного закона и закона, установленного людьми – это и было первой сюжетобразующей линией трагедии. Вторая – сам сюжет трагедии, состоящий из логосов-речей героев трагедии, которые являются амбивалентными: логос-речь Ифигении, где она рассказывает о сне, является и истинным, и ложным, письмо Ифигении, которое является спасением и в то же время оборачивается ужасной правдой для Ифигении, убийство матери Орестом Ифигения с помощью логоса обращает в спасение от смерти, обманная речь Ифигении Фоанту, которая как обман понимается до поры до времени. Зрителю-читателю постоянно предлагается посмотреть на любую ситуацию двояко и, соответственно, высказываться о положениях дел противоположными логосами-речами.

Таким образом, рассматривая трагедию Еврипида «Ифигения в Тавриде» как философский дискурс некоторых идей софистов второй половины V в. до н. э. мы увидели, что трагедия разворачивает своим действием темы, широко обсуждаемые софистикой V–IV вв. до н. э.: с одной стороны, это проблема соотношения закона и природы, с другой – трагедия демонстрирует, каким образом речь меняет положение дел, а также показывает, каким образом о каждой вещи может быть два противоположных логоса, о которых говорил Протагор. Какова же точка зрения самого Еврипида, мы не можем утверждать с точностью: καὶ τοῖ ποιηταὶ οὐ (το) ποτὶ ἀλάθειαν, ἀλλὰ ποτὶ τὰς ἀδονὰς τῶν ἀνθρώπων τὰ ποιήματα ποιεῖοντι [11 p. 340] / И поэты создают произведения не ради истины, но ради удовольствий людей.

Литература

1. Йегер В. *Пайдейя. Воспитание античного грека*. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, **2001**. Т. 1. 609 с.
2. Storey I. S., Allan A. *A Guide to Ancient Greek Drama*. Malden, MA: Blackwell Publishing, **2005**. 311 p.
3. Алымова Е. Миметическое начало поэтического искусства // *Античный мимесис*. СПб., **2008**. С. 8–28.
4. Euripides. *Iphigenia Taurica* // *Euripidis Fabulae: in 3 vol.* Oxford: Clarendon Press, **1975**. Vol. 2. Pp. 381–438.
5. Диоген Л. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. М., **1979**. 620 с.
6. Plato. *Platonis Opera* / Ed. J. Burnet. Oxford: Oxford University Press, **1903**. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0177%3Atext%3DProt.%3Asection%3D320d>.
7. Платон. *Сочинения в 4-х т.* М: Мысль, **1990**. Т. 1. 860 с.
8. Unterstainer M. *The Sophists*. Oxford, **1954**. 361 p.

9. Diogenes L. *Lives of Eminent Philosophers: in 2 vol.* London: William Heinemann, **1925**. Vol. 2. 720 p.
10. Schiappa E. *Protagoras and Logos.* Columbia, SC: The University of South Carolina Press, **2003**. 251 p.
11. Δισσοὶ λόγοι (Dialexeis) // *Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels.* Berlin, **1922**. S. 334–345.
12. Маковельский А. *Софисты (выпуск второй).* Баку: Азербайджанский государственный университет им. С. М. Кирова, **1941**. 100 с.
13. Вольф М. Н. *Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях: учеб. пособие.* Новосибирск: РИЦ НГУ, **2014**. 249 с.
14. Платон. *Сочинения в 4-х т.* М.: Мысль, **1993**. Т. 2. 528 с.
15. Aristotle. *Ars Rhetorica* / Ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, **1959**. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0059%3Abook%3D2%3Achapter%3D24%3Asection%3D11>.
16. Еврипид. Ифигения в Тавриде // *Трагедии в 2-х т.* М.: Художественная литература, **1969**. Т. 1. С. 473–550.

Поступила в редакцию 11.12.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2017.6.4

The views of the sophists in Euripides's "Iphigenia in Tauris"

© E. S. Yurina

Saint-Petersburg State University
7–9 Universitetskaya Embankment, 199034 Saint Petersburg, Russia.

Email: k.iurina@mail.ru

The author of the article studies the tragedy "Iphigenia in Tauris" by Euripides as a philosophical discourse of the sophists of the fifth century B. C. The author aims to demonstrate the influence of the sophists on Euripides. Moreover, in this article the problem of the *nomos* (νόμος) and *physis* (φύσις) controversy or the controversy of nature and law that was discussed by the sophists in Plato's dialogues is considered. This controversy is seen in the context of the "Iphigenia in Tauris", because the controversy of law and nature correlates with the controversy of the law of Tauris and natural law. According to the law of Tauris, every Greek has to be sacrificed by Iphigenia, but Iphigenia has to sacrifice her own brother and it conflicts to the natural law, because a sister cannot kill her own brother. To give a full understanding of the intricate plot of the "Iphigenia in Tauris", the author studies the fragment of Protagoras about the two-logoi opposing each other and the treatise the "Dissoi logoi" (contrasting arguments). Euripides illustrates the problem of Protagoras' logoi opposing each other, demonstrating the ambivalence of Iphigenia's logoi. The speeches (logoi) of Iphigenia can be interpreted as false and fatal and at the same time as true and savory. Thus, the author concludes that in the "Iphigenia in Tauris", Euripides demonstrates the main views of the sophists.

Keywords: Euripides, Protagoras, Iphigenia in Tauris, νόμος, φύσις, nature, law, logoi.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Yurina E. S. The views of the sophists in Euripides's "Iphigenia in Tauris" // *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 6. Pp. 486–493.

References

1. Jaeger W. *Paideiya. Vospitanie antichnogo greka [Paideia. The shaping of Greek character]*. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina, 2001. Vol. 1.
2. Storey I. S., Allan A. *A Guide to Ancient Greek Drama*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2005.
3. Alymova E. *Antichnyi mimesis*. Saint Petersburg, 2008. Pp. 8–28.
4. Euripides. *Iphigenia Taurica. Euripidis Fabulae: in 3 vol.* Oxford: Clarendon Press, 1975. Vol. 2. Pp. 381–438.
5. Diogen L. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov [About the life, teachings and sayings of famous philosophers]*. Moscow, 1979.
6. Plato. *Platonis Opera*. Ed. J. Burnet. Oxford: Oxford University Press, 1903. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0177%3Atext%3DProt.%3Asection%3D320d>.
7. Plato. *Sochineniya v 4-kh t. [Works in 4 volumes]*. M: Mysl', 1990. Vol. 1.
8. Unterstainer M. *The Sophists*. Oxford, 1954.
9. Diogenes L. *Lives of Eminent Philosophers: in 2 vol.* London: William Heinemann, 1925. Vol. 2.
10. Schiappa E. *Protagoras and Logos*. Columbia, SC: The University of South Carolina Press, 2003.
11. *Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels*. Berlin, 1922. Pp. 334–345.
12. Makovel'skii A. *Sofisty (vypusk vtoroi) [The sophists (second issue)]*. Baku: Azerbaidzhanskii gosudarstvennyi universitet im. S. M. Kirova, 1941.
13. Vol'f M. N. *Sofistika. Gorgii Leontiiskii: traktat «O ne-sushchem, ili O prirode» v sovremennykh interpretatsiyakh: ucheb. posobie. [Sophistry. Gorgias of Leontini: a treatise "On nature or the non-existent" in modern interpretations: textbook]*. Novosibirsk: RITs NGU, 2014.
14. Platon. *Sochineniya v 4-kh t. [Works in 4 volumes]*. Moscow: Mysl', 1993. Vol. 2.
15. Aristotle. *Ars Rhetorica*. Ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1959. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0059%3Abook%3D2%3Achapter%3D24%3Asection%3D11>.
16. Evripid. *Tragedii v 2-kh t.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1969. Vol. 1. Pp. 473–550.

Received 11.12.2017.